

*Быкова Е.В., доктор филологических наук, доцент,
Гавра Д.П., доктор социологических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет*

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В ОППОЗИЦИОННОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация: в статье анализируется речевой массив текстов, опубликованных в либеральных СМИ по поводу убийства оппозиционного политика Бориса Немцова 27 февраля 2015 года (Москва). Цель статьи: с помощью контент-анализа и дискурсивного анализа определить, какие коммуникативные стратегии использует оппозиционная пресса, какие речевые средства воздействия используются и какой фреймовый нарратив в сознании читателей формируют либеральные СМИ.

Ключевые слова: дискурс, массмедиа, коммуникативные стратегии, речевые средства, контент-анализ

27 февраля 2015 года незадолго до полуночи в Москве на Большом Москворецком мосту был застрелен оппозиционный политик, один из лидеров либеральной оппозиции Борис Ефимович Немцов. Информация об этом убийстве мгновенно появилась в социальных сетях, далее на лентах информационных агентств и лишь потом, ближе к утру, попала в выпуски телевизионных новостей. Официальные заявления и комментарии появились на следующий день – 28 февраля. Ко времени их появления российские и зарубежные социальные сети, включающие Facebook, Twitter, VKontakte уже насчитывали свыше пяти тысяч (подсчет авторов) постов, твитов и ретвитов, посвященных этому преступлению. В сети присутствовали и версии убийства, и подозрения в причастности к нему тех или иных политических сил, и обвинения, и контробвинения. Ряд политических субъектов начал использовать трагический информационный повод в своих интересах. Информационные волны об этом событии распространялись по законам медиатизированной цифровой информационной среды, в которой поляризованные по ценностному основанию социальные медиа и блогосфера опережают традиционные медиа и официальную коммуникацию и формируют собственные дискурсивные потоки.

К утру субботы 28 февраля, когда выпуски федеральных телеканалов оповестили о произошедшем большую часть массовой аудитории, продолжающую узнавать новости с экрана телевизора, в сетевом пространстве уже сформировалось большинство дискурсов вчерашнего убийства. В ценностном измерении эти дискурсы, равно как и продвигаемые ими нарративы, явились отражением того противостояния политических ценностей, которое к началу 2015 года сложилось в российском обществе. Одну сторону этого противостояния образовывали либеральные ценности западного типа. Их ярким представителем выступал убитый Борис Немцов. С другой стороны можно вы-

делить несколько отстоящих друг от друга групп ценностей. Во-первых, это ценности державно-консервативной и в то же время социально ориентированной идеологии, которая ориентируется на политику президента РФ и партии парламентского большинства – ВПП «Единая Россия». Во-вторых, это левые ценности наследников коммунистической идеологии. И в третьих это националистические и национал-патриотические ценности разной степени радикальности, не интегрированные с двумя обозначенными выше группами. Разумеется, диверсификация спектра политических ценностей современной России является более сложной. Но применительно к рассматриваемому трагическому информационному поводу именно представители этих групп ценностей, как показало наше исследование, и формировали основную конфигурацию дискурсивных потоков [10].

Особенно интересной в свете вышеизложенного представляется анализ коммуникативных стратегий либерального дискурса. Носители этой группы ценностей, широко представленные как в традиционном медиа пространстве, так и в социальных медиа, в силу трагического события получили информационный повод чрезвычайно высокой значимости. Такой, который позволил им обращаться не только к своим сторонникам, но и к гораздо более широкой аудитории, как в России, так и за рубежом. Этот повод позволял им работать на стратегических коммуникативных уровнях. Настоящая статья посвящена анализу того, как данные возможности были реализованы в медиадискурсе.

В статье использован формализованный метод изучения текстовой информации (контент-анализ), состоящий в переводе изучаемого содержания текстов в количественные показатели с интерпретацией этих показателей в речеведческом и ценностном аспектах. Результаты контент-анализа дополняются дискурсивным анализом [6 – 8], который, помимо изучения непосредственно текстовой

информации, апеллирует и к внетекстовой социально-политической ситуации в период происходящего события, вызывающего широкий общественный резонанс.

Для проведения исследования определимся с единицами наблюдения в речевом массиве привлеченных для анализа текстов – событие и субъекты, участники события и его наблюдатели. Основное событие – убийство Бориса Немцова 27 февраля 2015 года в Москве. Основной субъект – политик Борис Немцов, являющийся главным героем публикаций, посвященных этому событию. Субъекты, вовлеченные в событие и составляющие контекстное окружение главного события и главного персонажа: властные структуры РФ (Кремль, Владимир Путин), правоохранительные органы РФ, глава Чеченской республики Рамзан Кадыров, радикально настроенные патриотические силы РФ.

Хронологические рамки исследования: с 27 февраля по 22 марта 2015 года.

Эмпирический материал представляет собой 71 текст, опубликованные в либеральных СМИ: «Эхо Москвы» (18), «Новая газета» (20), *Znak* (16), *Slop* (17). Критерием отбора публикаций было наличие в заголовке или заголовочном комплексе слов *Немцов, убийство Немцова*. Внимание авторов статьи сосредоточено на речевом оформлении сообщения и интерпретации выбранного речевого оформления с учетом коммуникативного намерения отправителя.

Политик **Борис Немцов**, главный персонаж всех рассмотренных текстов либеральной ориентации, представлен авторами публикаций следующими номинациями: *борец с авторитарным путинским режимом, защитник демократии, политик, оппозиционер, лидер оппозиции, один из самых видных политиков оппозиции, человек яркий, решительный, честнейший, настоящий патриот России, надежда России, виднейший сын своей страны, один из возможных организаторов революции, жесткий критик Кремля, друг Украины*.

Как видно из приведенных выше примеров, номинации Бориса Немцова носят в основном оценочный характер и являются по сути дела характеристикой, передающей активное протестное начало личности (*оппозиционер, критик, возможный организатор революции*). Номинации такого типа являются доминирующими. Из 12 номинаций только *политик* и *лидер* являются нейтральными по своей семантике в изучаемых контекстах. То есть мы имеем дело с эффектом наложения: функция определения политического статуса лица совмещается с функцией его характеристики. По су-

ти дела, это прием политического маркетинга, используемый при создании символа, в котором номинация и характеристика отождествляются [9].

Важно отметить, что для отстройки от официального провластного патриотического дискурса, вызывающего резкое неприятие в либеральном коммуникативном пространстве, Бориса Немцова не называют патриотом, а используют парафраз, в котором актуализируется личностное начало: *сын своей страны* (не Родины). Показательно, что, скажем, литовская пресса подает слово патриот как скомпрометированное: «Как вскоре выяснилось, исполнителями убийства, по всей видимости, были чеченские гвардейцы, получавшие ордена из рук самого Путина и охарактеризованные главой республики Рамзаном Кадыровым, как «настоящие патриоты России» (С Путиным в прятки // “Delfi.ee.” 19.03.2015).

Из личных качеств Б. Немцова в опубликованных текстах за весь изучаемый хронологический период особо подчеркиваются следующие: *отчаянная смелость, не боялся называть вещи своими именами, бесстрашный, приличный, энергичный, жизнерадостный, порядочнейший, честный, искренний, стоял до конца*.

Приведенные номинации относятся к семантическим полям «смелость» и «честность».

При создании эффективного текста важную роль играет семантика глагола. Копирайтерам хорошо известен так называемый эффект предикативности. Использование глагола в активной форме придает тексту максимально воздействующую силу, динамичность. В исследуемых текстах глаголы, используемые при описании жизненного пути, пройденного Борисом Немцовым, употреблены в активном залоге и подчеркивают решительность действий политика: *публично критиковал Путина, не стесняясь в выражениях, раскрыл нахождение кадыровцев на Донбассе, публично говорил, что на юго-востоке Украины воюют российские войска, требовал их немедленного вывода, принимал активное участие в политической жизни Украины*.

Глаголы, репрезентирующие потенциальное будущее политика, даны в форме сослагательного наклонения или в речевых формах, выражающих желательное действие: *он мог бы вывести нашу страну из кризиса, ему предстояло сыграть важную, в некотором смысле даже ключевую роль в выборах 2016 года*.

Приведенные речевые фрагменты показывают, что позиционирование Бориса Немцова всё время фиксируется в образе активного борца с режимом: *публично критиковал, публично говорил, требовал, принимал активное участие*. Однако все, что ка-

сается будущего Бориса Немцова, то оно подается на уровне речевого воздействующего приема, сформировавшегося в жанре некролога: *он мог бы, ему предстояло*. С одной стороны, набор таких характеристик при описании итога пути политика говорит о несбывшихся надеждах, отсутствии перспектив, будущего. Однако, на наш взгляд, функциональное назначение этих характеристик в идеологическом тексте в формате здесь и сейчас приобретает дополнительный манипулятивный эффект: ни доказать обратное, ни опровергнуть сказанное не представляется в создавшейся ситуации никакой возможности. Динамики в позиционировании политика Б. Немцова за весь период наблюдения в либеральной прессе не отмечено.

Подводя итог, мы можем заключить, что все речевые средства, используемые авторами публикаций при описании главного текстового персонажа Бориса Немцова, формируют при помощи метафор романтический революционный **образ героя-друга** [3, 10, 11].

Проследим, какими речевыми средствами пользуются авторы рассматриваемых публикаций при позиционировании российских властных институтов.

Номинации власти в публикациях за весь исследуемый период представлены в следующих речевых формах: *коллективный Путин; государство репрессий ненависти и страха; недовольство экономической ситуацией; полоса политической реакции; виновник трагедии; политическая ответственность власти и лично президента; атмосфера, провоцирующая политические убийства; гопники с методами старшеклассников; толпы убогих красных директоров, вчерашних партаппаратчиков и вчерашних комсомольцев*.

Приведенные примеры номинаций власти в оппозиционном либеральном дискурсе формируют стереотипный **образ врага** [3, 10, 11], который имеет прямые ассоциации с советским прошлым: *гопники* (ГОП – городское общежитие пролетариата), *красные директора, вчерашние комсомольцы*.

С другой стороны, президент РФ **Владимир Путин** в текстах либеральных медиа, посвященных Борису Немцову, позиционируется по-иному. Он рассматривается как не несущий прямую ответственность за убийство оппозиционного политика, как фигура, стоящая над схваткой: *расчетливый; умный; четко и холодно взвешивающий все плюсы и минусы; он не знал, кто стоит за трагедией; он не хотел, чтобы такое убийство произошло*.

Таким образом, как показывают примеры, все обвинения властных структур, которых в публикациях отождествляют с личностью Путина и называют «коллективным Путиным», носят в публи-

кациях противоречивый характер: с одной стороны их авторы отождествляют власть с Президентом (коллективный Путин), с другой стороны, в текстах явно фиксируется отделение Президента от его окружения.

К образу врага примыкают в оппозиционном дискурсе и **правоохранительные органы**, которых в либеральных СМИ традиционно называют *опорой Кремля* и органом подавления инакомыслия: *полиция отбирала у участников мероприятия свечи; повели обоих со скрученными руками вниз головой, ударили; постоянно вмешиваются в разговор наблюдателей и заключенных, перебивают, запрещают* говорить обо всем кроме унитаза еды и кровати; следователи *не сочли нужным обосновать* свою позицию судье; действительно *обалдели; остро переживают утрату* российским государством *монополии на наказание*; живут согласно инструкции; *топтуны*.

Как видно из приведенных примеров, глаголы и отглагольные существительные, употребляемые при описании работы органов правопорядка, имеют общую сему *насилие* и содержат разговорные пренебрежительные коннотации (*обалдели, топтуны*).

Позиционирование работы правоохранительных органов было динамичным и менялось в зависимости от результатов расследования убийства. До первых задержаний подозреваемых речевые средства имели категоричный характер и обладали отрицательным воздействующим потенциалом: *«руководство спецслужб после такого провала должно подать в отставку, никто даже пальцем не пошевелил, чтобы обеспечить его безопасность; не было реакции на угрозы; профанирующие свои обязанности*. Местоимение-прилагательное *такой* имеет усилительное значение, как и отрицательное местоимение *никто* и частица *даже* в составе фразеологического оборота со значением *бездействовать*.

Характер и тональность публикаций существенно меняется после достаточно быстрого задержания первых подозреваемых. Федеральная Служба Безопасности становится новым субъектом, вовлеченным в событие. В первых публикациях, до задержаний подозреваемых, высказывалась публично версия *колоссальной провокации, подстроенной «эфэсбэшниками*. В публикациях явно превалировал уничижительный и пренебрежительный тон по отношению к ФСБ, что, видимо, вызывало и косвенную ассоциацию с Президентом, который начинал свою политическую карьеру в этой структуре. После задержания первых подозреваемых авторы публикуемых материалов изменили тональность: *ФСБ – единственная ин-*

стигуализированная структура в России, которая *старается отслеживать экстремистские настроения и направляет опасную энергию в относительно мирное и лояльное русло.*

Очевидным является античеченский тренд, присущий либеральному дискурсу, в котором акцентируется противостояние Рамзана Кадырова и ФСБ. В этой расстановке сил, как бы это не казалось удивительным, симпатии либеральных СМИ, так же как и западных, на стороне официальных представителей власти (ФСБ): «Убийство Немцова выявило беспрецедентный конфликт между двумя самыми крепкими столпами власти Путина, а именно: преемником его родного КГБ – Федеральной службой безопасности – и жестоким автократом Чечни Кадыровым» (Видимый Путин //“IR” (Литва). 19.03.15).

Либеральная оппозиция, являясь и коллективным субъектом речи, и коллективным получателем, [2] выражает свое политическое кредо в публикациях на злобу дня следующими речевыми формами: Борис Немцов стал *сакральной жертвой*; либеральная оппозиция имеет *тягу к самоуничтожению*; *надо выходить и показать, мы не согласны с террором*; оппозиция искала способ *сломить власть Владимира Путина*; *лишилась своего лидера*; *осталась без международного представительства*; *гибель Немцова обезглавила оппозиционный марш*; *расстрельный список*; *исправить ситуацию* могут сейчас только либералы; *внесистемная оппозиция консолидируется и объединяется* в единую политическую силу.

Лексика либеральных СМИ применительно к силам оппозиции ассоциируется с историческим революционным дискурсом борьбы против самодержавия и семантически близка ему. Сравним: *вы жертвою пали в борьбе роковой; вставай, проклятым клейменный, марш, марш вперед; нам ненавистны тираны короны.* Между тем либеральная оппозиция должна сформировать положительный **образ будущего**, в противовес отрицательному **образу прошлого**, но внятной позитивной повестки, кроме революционной (*сломить*), и для этого консолидироваться и объединяться, не предлагает.

Рамзан Кадыров становится субъектом, вовлеченным в событие, на этапе задержания подозреваемых - чеченских военнослужащих. Причем их называют «*боевиками*», хотя исторически в российском медиадискурсе «*чеченскими боевиками*» как раз называют тех, против кого воюют подразделения Рамзана Кадырова. Этим боевиков СМИ позиционируют как *исполнителей, не организаторов, не заказчиков*, возлагая ответственность на Президента Чечни Кадырова. Общест-

венный резонанс вызвала публично выраженная Рамзаном Кадыровым позиция относительно одного из задержанных по делу Немцова – Заура Дадаева: *большая доля восхищения этим сильным человеком, настоящим патриотом России; Дадаев - глубоко верующий человек, храбрый воин.* По сути дела, Кадыров как бы высказался в защиту подозреваемых в убийстве Бориса Немцова и, по мнению либеральной прессы, *берет на себя моральную ответственность.* Косвенным подтверждением причастности главы Чечни к убийству авторы считают высокую степень его властных полномочий: *без его ведома как минимум убийство не могло произойти; муха не пролетит без разрешения Кадырова.*

Доводы, говорящие о возможной причастности Кадырова к громкому политическому убийству, следующие: *опирается на Путина; стычки с силовиками; мало нуждается в лояльности окружения президента; мой сукин сын; роль главного защитника путинского Кремля от возможных революционных потрясений; явно претендовал на какую-то особую политическую роль во всероссийском масштабе; ему нужна более широкая арена; делает политические заявления, касающиеся всей России; он уже выступает в качестве защитника Ислама во всем мире; Путин дал понять, что Кадыров – его человек; Путин больше не является самым сильным человеком в России; подставить Путина; поставить в зависимость.*

Используемое автором публикации трансформированное прецедентное высказывание *мой сукин сын* о Кадырове восходит к известному высказыванию Франклина Рузвельта о никарагуанском диктаторе Анастасио Сомосе: «Да, Сомоса - сукин сын. Но это наш сукин сын»¹.

Публикации в **западных СМИ** по своему содержанию и смысловому наполнению совпадают в общем и целом с либеральной оппозиционной прессой в оценке данного события:

Россия перешла грань варварства; необходимо сдерживать путинскую Россию; Россия превратила релятивизм в оружие; российский президент и его приспешники несомненно создали атмосферу националистической паранойи; неоднократно называло Немцова "предателем"; применять насилие, а затем лгать об этом; послужной список насилия и лжи Путина; убийство Немцова вписывается в незаконные действия России, которые этим же оружием сбили гражданский самолет, убив всех 298 человек на борту; Борис Немцов расплатился за свое мужество жизнью.

В то же время официальная позиция стран Запада, отраженная в российских либеральных СМИ, носит скорее нейтральный, нежели оценоч-

ный характер: *выразили соболезнования; осудил зверское убийство; призвал провести расследование; Немцов - друг Америки и Европы; приносят в жертву; приняли решение его устранить, подставив Путина.* Подобное изложение позиции Запада можно объяснить тем, что либерально настроенные оппозиционеры черпают информацию из англоязычных первоисточников и не нуждаются в русских перепечатках.

Российские патриотично настроенные радикалы на первом этапе события сразу же были названы либеральными СМИ главными виновниками убийства: *писали Немцову угрозы; к убийству Немцова причастны; цель – силовое за рамками закона подавление оппозиции; подстегнуть Кремль; подтолкнуть Путина к активным действиям; спровоцировать массовые выступления; шантажировать власть; заставить ее изменить свое решение; не просто хотят своей доли власти - они хотят воплощения своей мечты; действуют*

по заказу администрации президента; сотрудничество с властью; главный союзник власти в борьбе с либеральной оппозицией; убийцы-неонацисты; наемный убийца революционера; убийцы; имперские националистические взгляды; отморозки; экстремистская мафия; злоеца; решительная и беспощадная публика; крайне реакционная закулиса; скрытая сила; не уравновешены и не ограничены никакими политическими конструкциями; конкурирующие и почти ничем не ограниченные.

Каждый из перечисленных примеров имеет негативную семантику, относится к семантическим полям *убийство, преступление, экстремизм* и формирует в сознании читателя **образ врага** – и при этом неофициального союзника действующей власти.

Ниже (в табл. 1) приведены позитивные и негативные упоминания вовлеченных субъектов по убыванию:

Таблица 1

Субъект	Количество позитивных упоминаний	Количество негативных упоминаний	Общее количество упоминаний
Б. Немцов	276 (94,9%)	15 (5,1%)	291
В. Путин, Кремль	17 (10,3%)	148 (89,7%)	165
Р. Кадыров	36 (27,3%)	96 (72,7%)	132
Правоохранительные органы	16 (25%)	48 (75%)	64
Российские патриотичные радикалы	4 (6,3%)	59 (93,7%)	63
Либеральная оппозиция	14 (43,7%)	18 (56,3%)	32

На основании количественного подсчета упоминаний субъектов в текстах либеральных медиа и речеведческого анализа можно сделать вывод относительно ключевых посланий, идеологических установок, транслируемых читателям либеральными СМИ относительно каждого задействованного субъекта.

Во-первых, отчетливо проявляется оппозиция *своей-чужой* [5, 12].

Во-вторых, либеральные медиа актуализируют речевой опыт своей целевой аудитории, которая распознает идеологические маркеры в тексте, соотносит его со своим социальным статусом и мировоззрением.

В сознание читателей вводятся следующие *базовые сценарии (фреймы)* [1].

- Борис Немцов: герой – мессия – жертва – символ свободы и борьбы. Герой противостоял злу, был миротворцем.
- Кремль: зло – хаос – злой гений – варвары.
- Правоохранительные органы: Охранители зла.
- Либеральная оппозиция: единственное противодействие злу.

- Кадыров: диктатор – охранитель злого гения.

- Радикальные патриоты: зло – самая большая угроза свободе и демократии и действующему режиму.

Таким образом, либеральный дискурс обладает всеми типологическими чертами речевого облика оппозиционных медиа. Коммуникативные стратегии оппозиционных либеральных СМИ направлены на увеличение числа сторонников, адептов соответствующих ценностей [4]. Этот дискурс является по своей коммуникативной цели пропагандистским. Характеризуется пропагандистский дискурс идеологической заданностью, тенденциозным позиционированием вовлеченных субъектов, формированием устойчивых образов врага и друга, формированием положительного образа будущего и отрицательного образа настоящего и прошлого. В ряды друзей обязательно вливается окружение оппозиционного персонажа, к образу врагов так же обязательно примыкает окружение власти. Любое политическое событие, освещаемое оппозиционной либеральной прессой, использует ее для позиционирования своих политических

взглядов и формирования схожей точки зрения у своих сторонников.

Однако, в отличие от радикального патриотического дискурса (З. Прилепин) и дискурса национал-большевистского толка (Э. Лимонов), либе-

ральный дискурс противоречив и непредсказуемо динамичен в оценке одной и той же ситуации, но вместе с тем демонстрирует устойчивый акцент в работе на своем информационном поле.

¹ Отзыв о никарагуанском диктаторе Анастасио Сомосе (старшем), который принадлежит, как указывают некоторые американские авторы-мемуаристы, 32-му президенту США (1933—1945) Франклину Делано Рузвельту (1882—1945).

Литература

1. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.
2. Каминская Т.Л. Адресат в массовой коммуникации: монография. НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2008.
3. Неупокоева О.В. Речевой облик периодического издания (на примере газеты «Лимонка» «Генеральная линия»). Автореф. дисс., СПб., 2006.
4. Русская речь в средствах массовой информации. Речевые системы и речевые структуры. Под ред. В.И. Конькова, А.Н. Потсар. СПб: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2011.
5. Чернявская В. Е., Молодыхенко Е. Н. История в дискурсе политики. Лингвистический образ «своих» и «чужих». М.: ЛЕНАНД, 2014.
6. Van Dijk T.A. Discourse and Manipulations. In *Discourse & Society*. V. 17 (2). Sage Publications, 2006. P. 359 – 387.
7. Van Dijk T.A. Discourse semantics and ideology. In *Discourse & Society*. V. 6(2) Sage Publications. 1995. P. 243 – 289.
8. Fairclough N. *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. London and New York: Routledge, 2003.
9. Ferrari F. Metaphor at work in the analysis of political discourse: investigating a preventive war persuasion strategy // In *Discourse & Society*. V. 18(5). Sage Publications, 2007. P. 603 – 625.
10. Lakoff G. *Don't Think of an Elephant!: Know Your Values and Frame the Debate: The Essential Guide for Progressives*. Chelsea Green Publishing, White River Junction, Vermont, 2004.
11. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. The University of Chicago press, 2003.
12. Leudar I., Marsland V., Nekvapil J. On membership categorization: “us”, “them” and “doing violence” in political discourse. In *Discourse & Society*. V. 15(2-3). Sage Publications, 2004. P. 243 – 266.

References

1. Dejk van T.A. Jazyk. Poznanie. Kommunikacija. M.: Progress, 1989.
2. Kaminskaja T.L. Adresat v massovoj kommunikacii: monografija. Nov GU im. Jaroslava Mudrogo. Velikij Novgorod, 2008.
3. Neupokoeva O.V. Rechevoj oblik periodičeskogo izdanija (na primere gazety «Limonka» «General'naja linija»). Avtoref. diss., SPb., 2006.
4. Russkaja rech' v sredstvah massovoj informacii. Rechevye sistemy i rechevye struktury. Pod red. V.I. Kon'kova, A.N. Potsar. SPb: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2011.
5. Chernjavskaja V. E., Molodychenko E. N. Istorija v diskurse politiki. Lingvističeskij obraz «svoih» i «chuzhih». M.: LENAND, 2014.
6. Van Dijk T.A. Discourse and Manipulations. In *Discourse & Society*. V. 17 (2). Sage Publications, 2006. P. 359 – 387.
7. Van Dijk T.A. Discourse semantics and ideology. In *Discourse & Society*. V. 6(2) Sage Publications. 1995. P. 243 – 289.
8. Fairclough N. *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. London and New York: Routledge, 2003.
9. Ferrari F. Metaphor at work in the analysis of political discourse: investigating a preventive war persuasion strategy // In *Discourse & Society*. V. 18(5). Sage Publications, 2007. P. 603 – 625.
10. Lakoff G. *Don't Think of an Elephant!: Know Your Values and Frame the Debate: The Essential Guide for Progressives*. Chelsea Green Publishing, White River Junction, Vermont, 2004.
11. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. The University of Chicago press, 2003.

12. Leudar I., Marsland V., Nekvapil J. On membership categorization: “us”, “them” and “doing violence’ in political discourse. In *Discourse & Society*. V. 15(2-3). Sage Publications, 2004. P. 243 – 266.

*Bykova E.V., Doctor of Philological Sciences, associate Professor,
Gavra D.P., Doctor of Sociological Sciences, Professor,
St. Petersburg State University*

COMMUNICATION STRATEGY IN THE OPPOSITION DISCOURSE

Abstract: the article analyzes the speech array of texts published in the liberal media about the murder of an opposition politician Boris Nemtsov, February 27, 2015 (Moscow). The purpose of the article: using content analysis and discourse analysis to determine which communication strategy uses the opposition press, which means the impact of speech used a framing narrative, and in the minds of readers formed the liberal media.

Key words: discourse, media, communication strategies, speech means, content analysis